

УДК 821.161.1.09-1/3+929 [Надсон+Семенов]

Специфика рецепции поэзии С. Я. Надсона в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова)

В. В. Боченков

Боченков Виктор Вячеславович, кандидат филологических наук, Митрополия Московская и всяя Руси Русской Православной старообрядческой Церкви, bo4enkov4@yandex.ru

В статье анализируются особенности обращения одного из заметных публицистов начала XX в. старообрядческого епископа Михаила (Семенова) к поэзии С. Я. Надсона. Стихотворные отрывки, используемые им в качестве цитат, позволяют высказать собственное отношение к другим литературным произведениям, полемизировать, подчеркнуть собственное мнение. Свою специфику имеет использование надсоновской аллегории Любви. Раскрыт особый способ индивидуальной рецепции других авторов.

Ключевые слова: епископ Михаил (Семенов), Семен Надсон, Виктор Гюго, цитата, аллюзия, аллегория, притча.

The Specifics of the Reception of S. Ya. Nadson's Poetry in the Journalism of the Old Believer Bishop Mikhail (Semenov)

V. V. Bochenkov

Viktor V. Bochenkov, <https://orcid.org/0000-0002-1034-6131>, Moscow Metropolitanate of the Russian Orthodox Old Believer Church, 29, bld. 3 Rogozhsky Poselok, Moscow 109052, Russia, bo4enkov4@yandex.ru

The article analyzes how an old believer Bishop Mikhail (Semenov), one of the prominent opinion journalists of the 20th century, drew upon S. Ya. Nadson's poetry. Bishop Mikhail used poem excerpts as quotes, which allowed him to express his own attitude to other literary works, to argue, to highlight his own opinion. The use of Nadson's allegory of Love has a specific nature of its own. An original means of an individual reception of other authors has been brought to light.

Keywords: Bishop Mikhail (Semenov), Semyon Nadson, Victor Hugo, quote, allusion, allegory, parable.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-421-426>

«Цитаты из Надсона рядом с цитатами из Евангелия, может быть, и не кощунство, но несомненно дурной вкус», – отозвался Д. С. Мережковский по поводу одной из статей епископа Михаила (Семенова)¹. Отклик, учитывая постоянную полемику отца Михаила с философскими идеями писателя, можно расценить как излишне категоричный и поспешный. Тем не менее, здесь подмечена существенная стилиевая особенность: использование разнородных межтекстовых связей. Впрочем, если подобный подход и создавал определенную эклектичность (понимаем под ней соединение разных идей, стилей, взглядов, теорий), то, на наш взгляд, она в определенной мере условна. Отрывки, цитаты, аллюзии к произведениям духовной и светской литературы ра-

ботают в конечном счете на общий замысел, ту стержневую идею, которую стремится донести до читателя автор.

Один пример.

В 1907 г. отец Михаил, тогда архимандрит, уже известный в светских и церковных кругах публицист, выпустил сборник «Святые минуты». На обложке он обозначен как автор, на деле же им написана только некоторая часть небольших дидактико-нравоучительных зарисовок, распределенных по конкретным дням года, когда их рекомендовано прочесть. Адресатом книги могли быть и дети, и взрослые, любой верующий человек. К третьему января, дню мученика Гордия, приурочен краткий рассказ о нем – «Память мученика Гордия». Это литературно обработанный и сокращенный пересказ его жития, занявший половину страницы, один пространственный абзац. Можно было бы этим и ограничиться. Но, завершая «житийную» часть, архимандрит Михаил подчеркивает святость мученического подвига, прибегая к автору сугубо светскому – С. Я. Надсону.

Первая, основная, часть рассказа завершается констатацией: «Сказав это (т. е. выразив отказ приносить жертву идолам. – В. Б.), святой Гордий без боязни пошел на казнь со светлым лицом и остановился на месте казни с таким спокойствием духа, как будто видел пред собою не палача, а ангелов»². Эта фраза – отредактированный в сторону сокращений, изменения громоздкого синтаксиса и «осовременивания» стилиевых особенностей отрывок из жития, принадлежащего Димитрию Ростовскому. Сравним с первоисточником: «Сказав сие и сотворив на себе крестное знамение, святой Гордий без боязни пошел на казнь, не изменив светлости лица своего, и остановился на месте казни в таком расположении духа, как будто позади его не было палача, и как будто он пред собою видел ангелов, которым хотел отдать в руки душу свою»³. Но далее отец Михаил делает резкий переход от духовной литературы к светской. Описание последних минут мученика он подкрепляет отрывком из стихотворения С. Я. Надсона (да еще обращенного к женщине) – «При жизни любила она украшать...». Они служат заключительным выводом.

О, если б и все мы могли умереть

С такою же чистой душою!

О, если б и все мы простились с землей

С такую ж надеждою ясной,
Что ждет нас за гробом – не сон вековой,
А мир благодатно прекрасный!

Публицист подметил, что у житийного мученика и надсоновской героини одно общее восприятие жизни, которая не заканчивается на земле, душевная чистота, умение надеяться, уповать на вечность, стремление к единому «благодатно прекрасному» миру. Он отсекает все, что определяло и конкретизировало у С. Я. Надсона субъектно-адресатные отношения (лирический герой – умершая героиня – аудитория стихотворения («мы»)). Возникло сочетание двух совершенно разных текстов, созданных в разное время, предназначенных для разной аудитории. Но церковная литература не вступает в резкое противоречие со светской: эклектика подчинена одной, воспитательной, задаче. Автор как бы говорит: смотрите, есть церковная святость, но она достижима и в миру, и то, что для этого требуется (вера, чистота, надежда), выражено в данном стихотворном отрывке. Новаторский прием, показавшийся Д. С. Мережковскому признаком «дурного вкуса», трудно встретить у других духовных авторов, проповедников, к примеру, у старшего современника отца Михаила протоиерея Григория Дьяченко.

Это не первое упоминание С. Я. Надсона. Ту же задачу человека – «жить ради идеала» – отец Михаил обозначил и в другой, более ранней статье. Она была опубликована в 1901 г. в «Воронежских епархиальных ведомостях» и носила название, похожее на лозунг: «Побольше идеализма»⁴. В ней он тоже обратился к светской поэзии.

Речь идет о том, что современная молодежь теряет жизненные идеалы, тогда как «юности свойственно страстное желание вступить в мир и применить богатые свои силы и дары ко благу человечества. Она во все верит, всем доверяет, ни перед чем не робеет...»⁵. Для подтверждения процитирован отрывок из поэмы А. М. Жемчужникова «Сны» (последняя ее часть, «Эпилог»), где говорится, что возраст юности богат

...верой в правду, в добро,
в могущество воли любящей,
В неизбежность разумных побед;
Верой в жизненный дух, непрестанно творящий,
И в немеркнущий свет.

Цитата неточна. У А. М. Жемчужникова в оригинале вторая часть первой строки после цезуры звучит совсем иначе, не искажая ритм: вместо слов «могущество воли любящей» у него «помощь силы любящей...». Точность цитирования не особенно заботит отца Михаила не только здесь, но и во многих других его статьях.

«Но увы, – сетует автор, – такая юность осталась только на страницах учебников». И в

подтверждение, как антитеза А. М. Жемчужникову, следуют первые строки известного стихотворения С. Я. Надсона «Наше поколение юности не знает...». Цитата и тут изменена: вместо «поколение» в статье – «наше время» (далее по тексту). Небрежность обусловлена цитированием по памяти, как и во многих подобных случаях. Затем С. Я. Надсона снова сменяет А. М. Жемчужников, приводятся пространные выдержки из его стихотворения «Сняла с меня судьба в жестокий этот век...». Оно перекликается с надсоновской темой утраты юношеских идеалов.

«История, поэзия – вот это имеющего уши слышать учит одному – жить ради Бога, ради идеала», – пишет отец Михаил. И тут же, ниже, в качестве образца, как именно следует жить, приводит вновь строки С. Я. Надсона из других стихотворений: «Вперед!» и «Идеал» («Не говори, что жизнь – игрушка...»), объединив их воедино:

Вперед! Во имя света
Свой честный светоч подними,
Буди уснувших в мгле глубокой,
Упавшим руку подавай
И слово истины высокой
В толпу, как луч живой, бросай.
И брось, оставь тревоги века
С их мимолетной мишурой,
И к идеалу человека
Иди уверенной стопой⁶.

Отбор цитат обусловлен тематическими задачами. Он преследует цель утверждения определенных этических убеждений и ценностей, активной жизненной позиции. Работа над стихотворными текстами направлена на то, чтобы слить разные отрывки таким образом, чтобы они выглядели цельным по смыслу высказыванием. Публицист снова не заботится о точности цитирования. С. Я. Надсон в обоих случаях в статье не упоминает, только его строки. Принципиально важным является не конкретное имя, а содержание произведения. Принадлежность к светской культуре не смущает и не отпугивает. Автору вновь важно подчеркнуть, что в светской литературе есть те же идеалы и ценности, что утверждает литература духовная, и разница лишь в способе изложения, в подаче, в преподнесении, стилистике.

В одной из статей, опубликованных в 1903 г. в журнале «Русский паломник»⁷, рассуждая о творчестве А. П. Чехова, о душевных настроениях многих его героев (уныние, «серая безнадёжность», бездеятельность, социальная апатия), отец Михаил в очередной раз обращается к С. Я. Надсону. Чтобы подчеркнуть, что писатель не знает отсюда выхода, он цитирует завершающие строфы стихотворения «В ответ»: «Чехов с полным правом мог бы применить к себе слова Надсона: “Указать спасительный исход не нам / Исхода мы не знаем, / Ночь жизни нас, как и тебя, гнетет”»⁸.

У этих строк другой адресат. Они обращены, как и все стихотворение, не к конкретному человеку, как у отца Михаила, а к родине, к России, и цитируются неточно. У С. Я. Надсона:

Но указать тебе спасительный исход
Не нам, о родина!.. Исхода мы не знаем:
Ночь жизни, как тебя, и нас собой гнетет,
Недугом роковым, как ты, и мы страдаем!

Схожим пафосом безнадежности, неведения, считает отец Михаил, «озарено» многое в чеховском творчестве.

Стихотворение С. Я. Надсона «На мгновение» почти до половины процитировано в статье «На вересаевскую тему» из сборника «Церковь, литература и жизнь» (1905 г.)⁹. Это размышления о задачах литературы. Они обязательно должны быть общественно значимыми, ответ публициста созвучен монологу писателя Осокина из рассказа В. В. Вересаева (отсюда название) «На эстраде», который пространно приводится в статье. В нем звучит тот же контраст реальной и вымышленной жизни, что и в упомянутых стихах С. Я. Надсона. «За что же вы благодарите меня? За “чудные звуки”, за наслаждения, которые я даю вам “прелестными произведениями”? В таком случае, господа, вы ошиблись адресом. <...> Проклятая и развращающая сила искусства состоит в том, что оно самым невероятным образом поражает и уродует всякое чувство, всякое душевное движение, вызываемое действительностью. Художник замахивается на жизнь бичами и скорпионами, но в момент удара его бичи и скорпионы обращаются в мягкие гирлянды душистых ландышей»¹⁰ и т. д. Литература, уводящая в «роскошную страну чудесных вымыслов», опасна. Герой С. Я. Надсона видит выход именно в таком «украшении» жизни, и отрывок из его «На мгновение» приводится в статье для антитезы, чтобы столкнуть два разных понимания жизни, два разных писательских отношения к ней.

Пусть нас давят угрюмые стены тюрьмы,
Мы сумеем их скрыть за цветами;
Пусть в них царство мышей, паутины и тьмы,
Мы спугнем это царство огнями...
Пусть нас тяжкая цепь беспощадно гнетет,
Да зато нет для грезы границы... и т. д.

Любое чтение, создающее подобную грезу, развращает. «Оно заменяет жизнь суррогатом жизни, — убеждает отец Михаил, — погашает “голод” жизни красивыми минутами жизни поддельной. Вместо воспитания инстинкта борьбы за общую жизнь дается подделка счастья. Ведь это отнимает у жизни работников»¹¹.

Поэзия С. Я. Надсона позволяет публицисту обозначить свою гражданскую позицию, способствует возможности спорить, четче выразить собственное мнение.

Особое место в «банке» надсоновских цитат у отца Михаила заняло известное стихотворение «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...». Оно упоминается в пасхальном очерке 1903 г. «За детей»¹². Сначала здесь приводится пересказ английского пасхального предания со ссылкой на журнал «Атеней» (чуть ниже мы к нему вернемся), затем упомянуты И. С. Тургенев, чье стихотворение в прозе следует в вольном пересказе (с авторством мы разберемся далее), и С. Я. Надсон. Эта же самая статья под заголовком «Христос и дети» была перепечатана в 1909 г. в газете «Царицынская жизнь»¹³.

Надсоновское стихотворение аллегорично. Мы следуем определению А. Ф. Лосева, понимая под аллегорией «бытие *выразительное*», «синтез двух планов, одного — наиболее внешнего, очевидного, и другого — внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого»¹⁴. Аллегория должна указывать и содержать особую «внутреннюю» мысль. Мы «получаем образ как *иллюстрацию*, как более или менее случайное, отнюдь не необходимое пояснение к идее, пояснение, существенно не связанное с самой идеей», причем сам образ в аллегории «всегда больше, чем идея»¹⁵.

Признаками аллегорий, или, если шире, притч, обладают другие сюжеты этой статьи, не только «поэтическая» часть со стихами С. Я. Надсона — «иллюстрация» торжества Любви, воцарившейся в мире, всеконечного человеческого идеала. В рассказе, который якобы заимствован из «Атеней», повествуется о Христе, пришедшем в пасхальный день на землю. Он лицезреет победу несправедливости и несчастья: женщина желает покончить с собой из-за насмешек, потому что она «великая грешница», а ей хочется, чтобы ее кто-нибудь пожалел и простил; у стены чужого дома лежит бездомный старик; у заставы под мостом умирают от голода две девочки, им никто не протянет руку помощи, а вокруг веселье. Христос грустно смотрит на городские дворцы и уходит вместе с обездоленными людьми. Действительность здесь, как и в последующем пересказе «тургеневского» стихотворения, предстает в абстрагированном виде, без привязки к конкретному времени, не содержит территориальных примет и конкретных имен. «Чтобы смысл иносказания был понятен, притча обязательно включает объяснение аллегории»¹⁶, поэтому автор прибегает, в частности, к словам Иоанна Богослова, объясняя основную идею журнального рассказа: «не любящий брата, пребывает в смерти» (1 Ин. 3:14), поэтому, куда существуют социальная несправедливость, небратолюбие, отчуждение, бедность, праздновать Пасху рано, это фальшивое торжество без Христа.

Сначала об И. С. Тургеневе. Сюжет стихотворения таков. В бедной хижине на берегу моря живут рыбаки, муж и жена, у них пятеро детей. Бушует буря. Женщина ждет мужа, который еще

не вернулся со своего опасного промысла. Она решает навестить соседку, чтобы развеять грустные думы. Выясняется, что та умерла. Женщина берет к себе двух ее малолетних детей и, не зная, как отнесется к этому муж, прячет малюток за пологом кровати. Вернувшийся рыбак выносит «приговор»: «Тут пять, да там двое, пусть будет семеро. Поди, неси скорее их от покойницы. Им страшно, глупым, с нею». «Они уже здесь», – отвечает со счастливой улыбкой жена¹⁷.

В статье пересказ обработан в виде притчи и сопровождается авторскими выводами. Если «все это не для нас писано, – заключает отец Михаил, – тогда не дня нас и Евангелие, не для нас Христос, не для нас святой храм. <...> Нет, я верю, что все это про нас. Верю, что только временно отуманенные погоней за призрачным счастьем, испорченные борьбой за существование, мы научились быть людьми. Это пройдет, как дурной сон»¹⁸. И далее цитируется С. Я. Надсон: «И «погибнет Ваал, и вернется на землю любовь». Верю я, и вы верьте, что не мечта этот светлый приход»¹⁹. Стихотворение подчеркивает в статье убежденность публициста в конечную победу добра и веру в справедливость. Поэтому далее продолжается прямое цитирование последних строк (начиная со слов «Не пустая надежда одна...» и до конца).

Общее во всех трех сюжетах, кроме их аллегоричности, притчевости, – появление персонажированного начала, вершащего свой суд: Христос, рыбак-муж, любовь «с ярким светочем счастья в руках».

Только ссылка на И. С. Тургенева – ошибка. У него нет стихотворения в прозе с подобным сюжетом. Речь идет о стихотворении Виктора Гюго «Бедные люди». Установить неточность помогает другая, более ранняя статья иеромонаха Михаила с почти цитатным заглавием «Бедные дети» (1900 г.), «затерянная» на страницах «Симбирских губернских ведомостей»²⁰. Сопоставление текстов показывает, что «За детей» – ее поздняя переработка. В ранней статье отец Михаил сделал подстрочное примечание, что заимствует рассказ о рыбаке, его жене и детях «из стихотворения Бенедиктова» (не у Тургенева). В статье 1903 г. примечания уже нет. Но выясняется, что это не оригинальное стихотворение В. Г. Бенедиктова, его «Бедные люди» – перевод из Виктора Гюго²¹. Более того, отец Михаил, ссылаясь на В. Г. Бенедиктова и И. С. Тургенева, использует в обеих своих статьях совсем другой перевод – А. П. Барыковой²². Он дословно повторяет строку с запомнившейся деталью: «Ячменный черствый хлеб и вся семья босая» (у В. Г. Бенедиктова нет «хлеба» с относительным прилагательным «ячменный»). Публицист прибегает к эмфатическим средствам, выделяя ее курсивом, чтобы подчеркнуть критическое положение семьи. В статье 1900 г. курсив используется, чтобы подчеркнуть решение рыбака. Его

слова в разных статьях очень близки к оригинальному тексту А. П. Барыковой:

Тут пять да этих двое –
Пусть будет семеро! Нельзя же, в самом деле,
Чтоб дети, как щенки, одни там околели.
Жена, возьмем ребят! Тащи сюда скорее
Их от покойницы; им, глупым, страшно с нею.

Перипетии, которые претерпело стихотворение Гюго, заставляют задуматься, что же прочел отец Михаил в «Атене», какой именно журнал имеется в виду, Е. Ф. Корша (1858–1859 гг.) или М. Г. Павлова (1828–1830 гг.), или, может быть, перед нами литературная мистификация?

Архитектоника статей «Бедные дети» и «За детей» близка. Они одинаково завершаются С. Я. Надсоном, вторым компонентом является сюжет Виктора Гюго, приписанный И. С. Тургеневу и В. Г. Бенедиктову, но в статье 1900 г. совершенно иное начало. Это «очерк с натуры» от первого лица, описание смерти ребенка, причем отец Михаил с первых строк подчеркивает субъективность наблюдений. Первый абзац статьи – это только два слова: «Видел я...» Далее публицист рассказывает, как посетил подвал, где живет женщина с умирающим сыном. Мать спросила, почему Бог забирает у нее ребенка. «Я не находил ни слов утешения, ни ответа на вопрос, и вышел...», признается отец Михаил. Он пишет, что и сам не знает, зачем решил спуститься в подвал, где разыгрывается трагедия. «Маленькая комната с узенькими окнами. Холодный асфальтовый пол. По голым стенам зеленая плесень. В некоторых местах сырость каплями падает со стен и потолка на пол, на широкую убогую кровать. <...> В комнате пахнет могилой и смертью. Сразу чувствуешь, что голод здесь частый гость, а холод и никогда (кроме жаркого лета) не покидает этого жилища. И тут живет целая семья, пятеро маленьких детей»²³. Отец постоянно пьянствует, мать работает. Уходящему посетителю слышится шепот больного мальчика: «Горе вам, холодные и равнодушные счастливыцы. Вы оставили меня умирать в этом гнилом подвале. Я покорно покоряюсь (тавтология автора. – В. Б.) судьбе...»²⁴. В действительности же ребенок молчит, это звучит «голос совести» автора – случайного гостя. Дети умирают потому, что в людях иссякло сострадание, делает вывод публицист. Как образец христианского поступка далее приводится сюжет «Бедных людей» Гюго. «Вы скажете, что все это не для нас писано? Не знаю. Но тогда не для нас и Евангелие, не для нас и Христос родившийся и шедший на землю», – заключает отец Михаил²⁵. Этот же самый, только немного в иной редакции вывод сохранится и в статье «За детей». Тут и там утверждается мысль о человеческом всеединстве и, по сути, «достоевская» тема вины каждого за всех из «Братьев Карамазовых». Человек лишь временно отуманен погоней за призрачным сча-

ством, испорчен борьбой за существование. «Это пройдет, как дурной сон», надеется автор. И в конце, стремясь показать, что случится, когда сон рассеется, он цитирует С. Я. Надсона («Друг мой, брат мой...»).

Перерабатывая свою статью 1900 г., отец Михаил исключил начальную очерковую зарисовку об умирающем в подвале ребенке, заменив ее притчевым сюжетом со ссылкой на «Атенею». Это был способ отстраниться от личных наблюдений, переживаний, от их оценки и перейти на уровень абстрагированных универсальных обобщений. Авторское «Я» звучит в обобщающих выводах.

Тема счастья поднята и в статье «Зеленая палочка» 1911 г.²⁶. Это отклик на «Крестовых сестер» А. М. Ремизова – «скорбный рассказ о целой галерее переломанных душ», и рассказ «Данилушка» С. И. Гусева-Оренбургского. «Сатана победил Христа и царствует над миром. <...> И хохочет над ограбленными людьми»²⁷. Так аллегорично звучит вывод автора по поводу повести А. М. Ремизова, где герой погиб, и «Данилушки», где спившийся священник «молится не Богу, а дьяволу, потому что некому ему больше молиться», а потом в припадке белой горячки бросается с колокольни. «Можно думать, что появление такого тона в литературе есть доказательство разложения самой жизни», подытоживает публицист²⁸. В качестве ответа он вкратце обозначает моральные требования кружка голгофских христиан, в который он тогда входил: всякое зло, происходящее в мире, надлежит принимать как собственный грех и, испугавшись «лика прокаженной жизни», претворять «прокаженную землю» в праведную и святую, выстраивая все социальные отношения на евангельских началах. Каждый христианин должен психологически пережить то же, что Христос на Голгофе, берущий грех мира на Себя. Если «зло жизни» ощущается особенно остро, а это автор замечает по литературным произведениям, которые он привел (при всем различии их художественных особенностей), значит, обостренной становится и человеческая совесть. А это добрый знак. «Несчастье в том, что до сих пор испуганные жизнью бросаются с пятого этажа вниз, как Маракулин и о. Даниил»²⁹. Они гибнут потому, что считают себя одинокими. «Не понимают, что раз испуг перед жизнью как отрицание ее неправды дошел до такого обострения, близка и победа». А значит, «мир устанет от слез, захлебнется в крови (Надсон) и, остановившись перед бездной, повернет назад, к забытой любви»³⁰. «Нужно только больше бодрости, надежды и веры»³¹. Мотив преобразования жизни усиливает образ-символ зеленой палочки, послуживший в качестве заголовка. Как известно, будучи ребенком, Л. Н. Толстой действительно верил в ее

существование, на деле же это была выдумка его старшего брата Николая Николаевича; на палочке был будто бы вырезан секрет всеобщего счастья, а сама она закопана на краю оврага в Ясной Поляне. Писатель завещал похоронить себя там, где якобы спрятана эта палочка.

Творчество С. Я. Надсона помогает публицисту полемизировать: выразить собственное отношение к содержанию литературных произведений, спорить с ними, противопоставить иную позицию, иной подход, другое понимание человеческих устремлений и настроений. Стихотворение «Друг мой, брат мой...» одинаково успешно вписывается и в цикл притч, и в публицистику на литературном материале. Оно в своем роде универсально. Отцу Михаилу близка тематика идеала или, лучше, Идеала, утраченного или чаемого. В поэзии С. Я. Надсона церковный публицист увидел близкую для него этическую систему, но зато ушел от реальной жизни в «мир грез» как задача литературы. Отражая общественные настроения, надсоновская поэзия в целом давала возможность дискутировать о социально-значимых вопросах, поднять тему человека и времени, использовать в сочетании с публицистикой и элементами литературной критики универсальные приемы притчи, аллегории. Чтобы «адаптировать» стихотворения, публицист не только отбирает нужные отрывки, но игнорирует сознательно заданные поэтом субъектно-объектные отношения, сливает воедино разные строфы, соотносит с творчеством других авторов (А. П. Чехов, В. В. Вересаев, В. Гюго и др.). Обращение отца Михаила к творчеству С. Я. Надсона представляет собой оригинальный способ рецепции его поэтического наследия. Широта использования различных межтекстовых связей определила особый новаторский подход в наследии церковного публициста. С. Я. Надсон остается одним из самых цитируемых поэтов в статьях отца Михаила (другими являются – каждый в силу особенностей своего творчества и поставленных публицистом задач – Н. А. Некрасов и И. С. Никитин³²).

Примечания

- ¹ Мережковский Д. Земной Христос // Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001. С. 141.
- ² Михаил (Семенов), архим. Память мученика Гордия // Святые минуты : (Искорки Христова света) : Чтение на каждый день года. СПб., 1907. С. 3.
- ³ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского : с доп., объясн. примеч. и изображениями св. Репр. изд. Козельск : Свято-Введ. монастырь Оптиной пустыни, 1993. Книга первая, часть первая. С. 147.
- ⁴ См.: Михаил (Семенов), иером. Побольше идеализма //

- Воронежские епархиальные ведомости. 1902. № 2. Ч. неофиц. С. 45–56.
- ⁵ Там же. С. 47.
- ⁶ Там же. С. 51–52.
- ⁷ См.: *Михаил (Семенов), иером.* Беседы с читателями «Русского паломника». О живой жизни и вечных истинах // *Русский паломник*. 1903. № 39. С. 658–660.
- ⁸ Там же. С. 660.
- ⁹ См.: *Михаил (Семенов), иером.* На вересаевскую тему // *Церковь, литература и жизнь / доц. С.-Петерб. дух. акад. иером. Михаил*. СПб., 1905. С. 259.
- ¹⁰ Там же. С. 264.
- ¹¹ Там же. С. 260.
- ¹² См.: *Михаил (Семенов), иером.* За детей // *Отдых христианина*. 1903. № 4. С. 44–50.
- ¹³ См.: *Михаил (Семенов), еп.* Христос и дети // *Царицынская жизнь*. 1909. № 68, 29 марта. С. 2.
- ¹⁴ *Лосев А.* Диалектика мифа // *Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. С. 45.
- ¹⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶ *Гладкова О.* Притча // *Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин*. М., 2001. Стб. 808.
- ¹⁷ *Михаил (Семенов), иером.* За детей. С. 49.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Симбирец [Михаил (Семенов), иером.]*. Бедные дети // *Симбирские губернские ведомости*. 1900. № 90. Отд. неофиц. С. 2–3.
- ²¹ См.: *Бенедиктов В.* Стихотворения. Л., 1983. С. 600–606.
- ²² См.: *Барыкова А.* Стихотворения и прозаические произведения. СПб., 1897. С. 109–114.
- ²³ *Симбирец [Михаил (Семенов), иером.]*. Бедные дети. С. 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Михаил (Семенов), еп.* Зеленая палочка // *Новая земля*. 1911. № 4. С. 7.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: *Боченков В.* Цитаты и аллюзии к поэтическим произведениям Н. А. Некрасова в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова) // *Карабиха : Историко-литературный сборник*. Ярославль, 2018. Вып. 10. С. 72–90 ; *Его же*. Особенности рецепции стихотворений И. С. Никитина в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова) // *Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика*. 2018. № 3. С. 18–23.

Образец для цитирования:

Боченков В. В. Специфика рецепции поэзии С. Я. Надсона в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семенова) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 421–426. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-421-426>

Cite this article as:

Bochenkov V. V. The Specifics of the Reception of S. Ya. Nadson's Poetry in the Journalism of the Old Believer Bishop Mikhail (Semenov). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 421–426 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-421-426>
